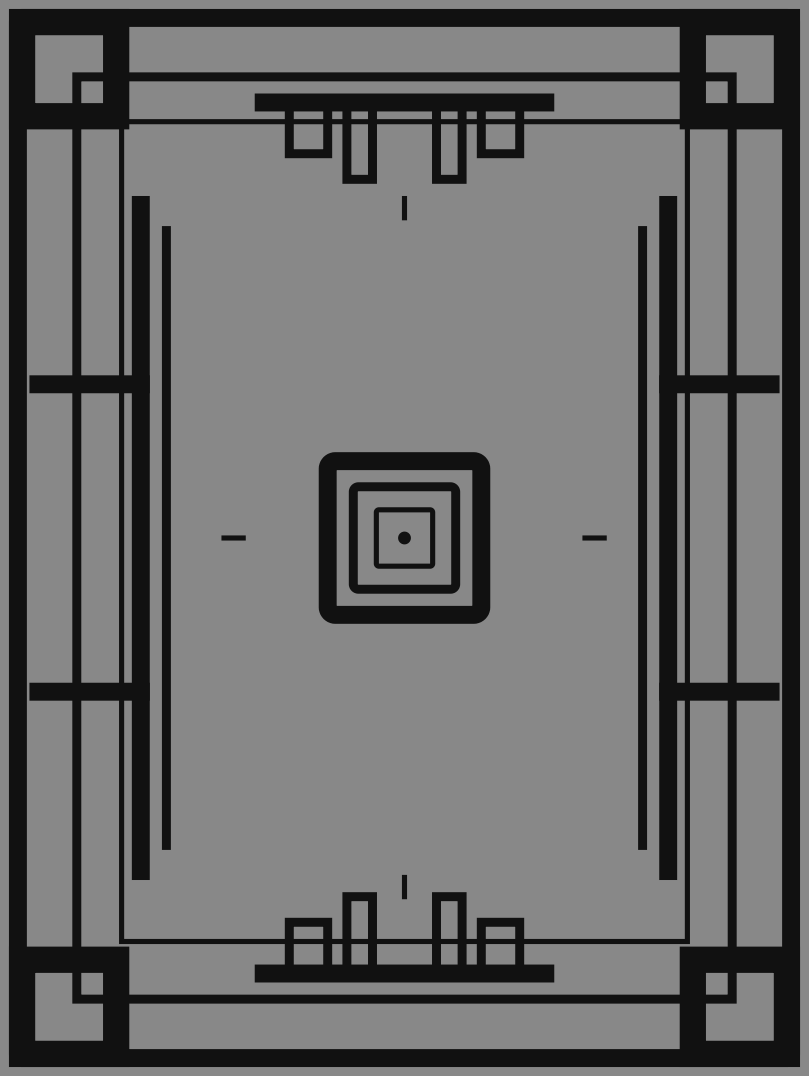

Десятый ключ к разгадке
Дэшил Хэммет

Дэшил Хэммет. Десятый ключ к разгадке

Дэшил Хэммет
Десятый ключ к разгадке

— Мистер Леопольд Гантвоорт вышел, — сказал слуга, который открыл мне дверь. — Но есть его сын, мистер Чарльз. Если вы хотите с ним увидеться...

— Нет, мы договорились с мистером Леопольдом Гантвоортом, что я приду в девять часов или немного позже. Сейчас ровно десять. Видимо, он скоро будет. Я подожду.

— Пожалуйста.

Он отступил в сторону, чтобы я мог пройти, взял у меня плащ и шляпу, проводил в комнату наверху — библиотеку Гантвоорта — и оставил одного. Я взял какой-то толстый журнал из стопки, лежащей на столе, подвинул поближе пепельницу и уселся поудобнее.

Прошел час. Я отложил журнал и начал проявлять нетерпение. Прошел еще час, и я уже беспокойно вертелся в кресле.

Где-то в глубине дома часы били одиннадцать, когда в комнату вошел молодой человек лет двадцати пяти или двадцати шести, высокий и худой, с очень бледной кожей и очень темными глазами и волосами.

— Отец еще не вернулся, — сказал он. — Извините, что вам пришлось так долго ждать. Не могу ли я чем-нибудь помочь? Меня зовут Чарльз

Гантвоорт.

— Нет, спасибо, — я встал с кресла, принимая этот вежливый намек на то, что слишком засиделся. — Я свяжусь с ним завтра.

— Мне очень жаль, — пробормотал он, и мы вместе пошли к дверям.

Когда мы выходили в холл, негромко затарахтел телефон в углу комнаты, которую мы только что покинули.

Чарльз Гантвоорт вернулся, чтобы взять трубку, а я ждал в дверях.

Разговаривая, он стоял спиной ко мне.

— Да. Да! Что-о?.. Да. Да...

Он медленно обернулся, и я увидел боль на его ставшем серым лице, ужас в широко открытых глазах и разинутый рот; он все еще держал в руке трубку.

— Отец... — прошептал он. — Умер... убит.

— Где? Как?!

— Не знаю. Звонили из полиции. Они хотят, чтобы я немедленно приехал.

Он с усилием расправил опустившиеся плечи, пытаясь взять себя в руки, повесил трубку, и его лицо стало менее напряженным.

— Прошу меня простить...

— Послушайте, — прервал я эти извинения, — я

сотрудник Континентального сыскного агентства. Ваш отец звонил нам сегодня и просил прислать к нему детектива. Говорил, что его жизни угрожает опасность. Однако формально он никого не нанимал. Поэтому, если вы...

— Ну конечно! Я вас нанимаю! Если полиция еще не нашла убийцу, то сделайте все возможное, чтобы его схватили.

— О'кей. Поехали в полицию.

Во время поездки мы не обменялись ни словом до самого здания суда. Пригнувшись над рулем своей машины, Гантвоорт мчал со страшной скоростью по улицам города. У меня было много вопросов, но если уж он хотел ехать в таком темпе, ему сейчас требовалось все его внимание, чтобы куда-нибудь не врезаться. Поэтому я не мешал, а только держался покрепче и помалкивал.

Когда мы прибыли на место, нас уже ждали полдюжины детективов. Следствие вел О'Гар — сержант-детектив с конусообразной головой, одетый, как деревенский констебль из кинофильма — в широкополую черную шляпу и так далее, но, тем не менее, не стоило его недооценивать. Мы уже работали вместе по нескольким делам и отлично друг друга понимали.

Он провел нас в одну из небольших комнат по

соседству с приемной. Там, на столе, мы увидели с десяток предметов.

— Посмотрите на эти вещи внимательно, — сказал Гантвоорту сержант-детектив, — и укажите те, которые были собственностью вашего отца.

— А где отец?

— Сначала сделайте то, что я попросил, — твердо сказал О'Гар. — А потом у вас будет возможность его увидеть.

Пока Чарльз Гантвоорт проводил отбор, я тоже присмотрелся к лежащим на столе предметам. Пустая шкатулка для драгоценностей, записная книжка, три письма в разорванных конвертах, адресованные покойному, еще какие-то бумаги, связка ключей, авторучка, два белых льняных платка, два револьверных патрона, золотые часы с золотым перочинным ножиком и золотым карандашиком на платиновой цепочке, два черных кожаных бумажника, причем один новенький, а другой потертый, немного денег в банкнотах и серебре и небольшая портативная пишущая машинка, погнутая, помятая, облепленная кровью и волосами. Некоторые из вещей тоже были в крови, другие — чистые.

Гантвоорт выбрал из этой кучи часы с ножиком и карандашом, ключи, авторучку, блокнот, плат-

ки, письма и прочие бумаги и старое портмоне.

— Это вещи отца, — негромко сказал он. — Остального я никогда не видел. Не знаю также, сколько при нем сегодня было денег, поэтому не могу сказать, что из этой суммы принадлежит ему.

— Вы уверены, что все опознали? — спросил О'Гар.

— Мне кажется, но гарантировать... Уиппл мог бы вам сказать больше. — Он обернулся ко мне. — Это тот человек, который открывал вам дверь сегодня вечером. Слуга отца. Он точно должен знать, что ему принадлежало.

Один из детективов направился к телефону, чтобы сразу же вызвать Уиппла.

Теперь я начал задавать вопросы:

— Не отсутствует ли здесь что-либо такое, что ваш отец всегда носил с собой? Что-нибудь ценное?

— Мне кажется, все на месте. Все, что он мог иметь при себе, лежит здесь.

— В котором часу он вышел из дома сегодня вечером?

— Около половины восьмого. Может, даже и в семь.

— Вы знали, куда он направлялся?

— Он не говорил мне, но я полагаю, что к мисс Декстер. Лица детективов вдруг прояснились, а глаза стали внимательными. Думаю, и со мной произошло то же самое. Встречается немало насильственных смертей, в которых не замешаны женщины, но очень редко это бывает при убийствах подобного типа.

— Кто такая мисс Декстер? — тотчас перехватил инициативу сержант.

— Она... — Чарльз Гантвоорт запнулся, — ну, в общем, отец был очень дружен с ней и ее братом. Обычно он навещал их... ее несколько раз в неделю. Честно говоря, я подозреваю, что он хотел на ней жениться.

— Кто она такая и чем занимается?

— Отец познакомился с ними обоими примерно полгода назад. Я встречался с ними пару раз, но не могу сказать, что хорошо их знаю. Мисс Декстер, ее зовут Креда, это девушка, лет, по-моему, двадцати с чем-то, ее брат Мэдден года на четыре старше. Он сейчас в Нью-Йорке или по дороге в Нью-Йорк, где должен провести какую-то финансовую операцию по поручению отца.

— Отец говорил вам, что собирается вступить с ней в брак? — О'Гар уцепился за женскую линию.

— Нет, но было хорошо видно, что он сильно... гм... влюблен. Несколько дней назад, на прошлой неделе, мы даже обменялись мнениями по этому вопросу. Нет, не поссорились, просто обменялись мнениями. Из его слов я понял, что он готов жениться на ней, и испугался.

— Что значит «испугался»? — поймал его О'Гар на слове.

Бледное лицо Чарльза Гантвоорта слегка покраснело. Он смущенно кашлянул.

— Мне бы не хотелось бросать тень на Декстеров. Не думаю... уверен, что они не имеют ничего общего с тем, что произошло. Но не могу сказать, что они мне нравятся... я их не люблю. Я считаю их... ну, не знаю... может, они охотятся за деньгами? Отец не был сказочно богат, но капитал имел значительный. И хотя на здоровье он не жаловался, но все же ему было уже пятьдесят семь, — достаточно много для осознания того, что Креда Декстер больше интересуется его состоянием, чем им самим.

— А что с завещанием вашего отца?

— Последнее, о котором мне известно — оно было составлено два-три года назад, называет наследниками меня и мою жену. Адвокат отца, мистер Мюррей Абернети, наверное, мог бы вам

сказать, были ли потом еще какие-нибудь приписки, но я в этом сомневаюсь.

— Ваш отец удалился от дел?

— Да. Примерно год назад он передал мне свою импортно-экспортную фирму. Кое-где у него были еще вклады, но активной работой он уже не занимался.

О'Гар сдвинул на затылок свою шляпу деревенского констебля и некоторое время задумчиво чесал конусообразную голову. Потом посмотрел на меня.

— Хочешь еще что-нибудь спросить?

— Да. Вы слышали когда-либо, чтобы отец или кто другой говорил о некоем Эмиле Бонфий?

— Нет.

— Не вспоминал ли ваш отец, что получил письмо с угрозами? Или что в него стреляли на улице?

— Нет.

— Он был в Париже в 1902 году?

— Вполне возможно. Отец каждый год бывал за границей, пока не удалился от дел.

Затем мы отвели Гантвоорта в морг, чтобы он увидел отца. Это оказалось не очень приятным зрелищем даже для меня и О'Гар а, а ведь мы знали убитого весьма поверхностно. Я запомнил

его как невысокого жилистого мужчину, всегда элегантно одетого, который двигался с упругостью значительно более молодого человека.

А теперь он лежал с головой, превращенной в кровавое месиво.

Мы оставили Гантвоорта у тела отца, а сами отправились пешком обратно в здание суда.

— Что это за старая история с Эмилем Бонфий в Париже в 1902 году? — спросил сержант-детектив, как только мы вышли на улицу.

— Сегодня днем покойный позвонил в наше агентство и сообщил, что получил письмо с угрозами от некоего Эмиля Бонфий, с которым у него было столкновение в Париже в 1902 году. Он сказал также, что этот Бонфий стрелял в него вчера на улице. Просил, чтобы кто-нибудь от нас встретился с ним сегодня вечером. Он поставил условие — ни в коем случае не извещать полицию, заявил, что предпочел бы принять смерть, чем допустить, чтобы эта история стала достоянием гласности. Вот и все, что он сказал по телефону, и вот почему я оказался под рукой, когда Чарльз Гантвоорт получил известие о смерти отца.

О'Гар остановился посреди тротуара и тихо присвистнул.

— Вот тебе раз! — воскликнул он. — Подожди, я

тебе кое-что покажу в отделении.

Уиппл уже ждал в приемной, когда мы вошли. Его лицо, на первый взгляд, было таким же безучастным и напоминающим маску, как и пару часов назад, когда он впустил меня в дом на Рашен Хилл. Но сейчас под этой маской вышколенного слуги все в нем сжималось и дрожало.

Мы повели его в ту же комнату, где опрашивали Чарльза Гантвоорта.

Уиппл подтвердил все сказанное сыном убитого. Он был совершенно уверен, что ни пишущая машинка, ни шкатулка для драгоценностей, ни два патрона, ни новый бумажник не принадлежали Гантвоорту.

Мы не сумели убедить слугу высказать свое личное мнение о Декстерах, но по его реакции нетрудно было понять, что симпатий к ним он не питает. Мисс Декстер, сказал он, звонила вечером три раза, около восьми, около девяти и в полдесятого. Каждый раз она спрашивала мистера Леопольда Гантвоорта, но не просила ему что-либо передать. Уиппл полагал, что она ожидала Гантвоорта, а тот не пришел.

Он заявил, что ничего не знает ни об Эмиле Бонфий, ни о письме. Вчера Гантвоорт отсутствовал дома с восьми вечера до полуночи. Уиппл

не присматривался к нему особенно, когда тот вернулся, и не может поэтому сказать, был ли он взволнован. Хозяин обычно носил с собой около ста долларов.

— Возможно ли, чтобы сегодня Гантвоорт имел при себе что-либо, чего сейчас нет на столе? — спросил О'Гар .

— Нет, сэр. Все на месте... часы на цепочке, деньги, блокнот, бумажник, ключи, платки, авторучка... больше я ни о чем не знаю.

— Чарльз Гантвоорт выходил сегодня вечером?

— Нет, сэр. Мистер и миссис Гантвоорт весь вечер провели дома.

— Вы уверены?

Уиппл секунду подумал.

— Да, сэр, почти уверен. Я точно знаю, что миссис Гантвоорт не выходила. По правде сказать, мистера Чарльза я не видел часов с восьми до момента, когда он сошел вниз вот с этим джентльменом, — он указал на меня, — в одиннадцать часов. Но я практически уверен, что он находился дома весь вечер. Кажется, и миссис Гантвоорт так говорила.

О'Гар задал ему еще один вопрос. Вопрос, который меня тогда изумил.

— Какие застежки мистер Гантвоорт носил на

воротничке?

— Вы имеете в виду мистера Леопольда?

— Да.

— Обычные — золотые, цельные. На них был фирменный знак лондонского ювелира.

— Вы бы их узнали?

— Да, сэр.

С этим мы его и отпустили.

— Тебе не кажется, — заметил я, когда мы с О'Гаром остались наедине с кучей вещей, которые еще не имели для меня никакого значения, — что пора бы уже приступить к рассказу и объяснить, что есть что?

— Да, наверное... слушай. Один человек, по фамилии Лагерквист, владелец продуктового магазина, ехал сегодня вечером по парку Голден Гейт и миновал по дороге на темной аллее автомобиль с погашенными фарами. Ему показалось, что сидящий за рулем мужчина выглядит как-то странно, и он сообщил об этом первому же увиденному полицейскому.

Полицейский пошел посмотреть и обнаружил в автомобиле мертвого Гантвоорта: его голова была размозжена вот этим предметом, — О'Гар положил руку на окровавленную пишущую машинку. — Произошло это без пятнадцати десять.

Доктор считает, что Гантвоорта убили... что ему проломили череп именно этой машинкой.

Карманы убитого, как мы установили, были вывернуты. Все, что ты видишь здесь на столе, за исключением нового бумажника, валялось в автомобиле... часть вещей на полу, часть — на сиденьях. Деньги тоже там лежали, около ста долларов. Среди бумаг я нашел вот это.

Он протянул мне белый листок, содержащий отпечатанный на машинке текст:

Л.Ф.Г.

Я хочу того, что мне принадлежало. Шести тысяч миль и 21 года не хватит, чтобы ты мог укрыться от жертвы твоего предательства. Я намерен забрать то, что ты у меня украл.

Э. Б.

— Л. Ф. Г. может означать Леопольд Ф. Гантвоорт, — сказал я, — а Э. Б. — Эмиль Бонфий. 21 год — это время, которое прошло с 1902-го по 1923-й, а 6 тысяч миль — примерное расстояние от Парижа до Сан-Франциско.

Я положил письмо и взял шкатулку. Она была сделана из чего-то, напоминающего черную кожу, и выстелена бархатом. Без каких-либо опознавательных знаков.

Затем я осмотрел два патрона, «Смит и Вес-

сон», калибр 9,6 мм, в мягких носиках пуль были сделаны глубокие крестообразные распилы — старая штучка, она приводит к тому, что такая пуля оставляет в теле дырку величиной с чайное блюдце.

— Патроны тоже нашли в автомобиле?

— Да. И вот это...

О'Гар вытащил из кармана жилета светлую прядь волос, длиной от 2,5 до 5 сантиметров. Волосы были срезаны, а не вырваны.

— Еще что-нибудь?

Казалось, этому не будет конца.

Он взял со стола новенький бумажник — тот, который ни Уиппл, ни Чарльз Гантвоорт не признали собственностью покойного, и подвинул ко мне.

— Мы подобрали его на улице, примерно в метре от автомобиля.

Бумажник был довольно дешевый, без фабричной марки или инициалов владельца. Внутри лежали две десятидолларовые купюры, три вырезки из газет и листик бумаги с отпечатанным на машинке списком из шести имен и адресов. Имя и адрес Гантвоорта стояли на первом месте.

Три вырезки были сделаны скорее всего из разделов личных объявлений трех разных газет

— шрифт не был похож — и выглядели они так:

"Джордж. — Все в порядке. Не жди слишком долго — Д. Д. Д.У

«Р. Х. Т. — они не отвечают. — ФЛО».

«Кэппи. — Ровно в 12, и будь осторожен. Бинго».

Фамилии и адреса в списке, кроме Гантвоорта, были следующие:

Куинси Хиткоут, 1223 С. — Джейсон-стрит, Денвер.

Б. Д. Торнтон, 96 Хъюз Серкл, Даллас.

Лютер Г. Рэндолл, 615 Коламбия-стрит, Портсмут.

Дж. Х. Бонд Уиллис, 5444 Гарвард-стрит, Бостон.

Ханна Хиндмарш, 218, Е. 79-я стрит. Кливленд.

— Это все? — спросил я, изучив список.

Запасы сержанта-детектива еще не истощились.

— Застежки из воротничка убитого — как передняя, так и задняя — были вынуты, хотя и воротничок, и галстук остались на своих местах. И левый штиблет исчез. Мы везде искали, но ни штиблета, ни застежек не нашли.

— Больше ничего?

Теперь я был готов ко всему.

— А что тебе, черт возьми, еще надо? — взвыл

он. — Этого мало?

— А отпечатки пальцев?

— Здесь глухо. Мы обнаружили только отпечатки жертвы.

— А машина, в которой его нашли?

— Это кабриолет, принадлежащий некоему доктору Уоллесу Джирарго. В шесть часов вечера он позвонил нам и заявил, что у него угнали автомобиль в районе перекрестка Полка-стрит и Макаллистер-стрит. Мы проверяем, но, по-моему, он ни при чем.

Вещи, которые, согласно показаниям Уиппла и Чарльза Гантвоорта, принадлежали убитому, мало что нам говорили. Мы внимательно их осмотрели, но это ничего не дало. В блокноте было много записей, но ни одна из них, казалось, не имела отношения к делу. Письма также.

Серийный номер пишущей машинки — орудия преступления — отсутствовал. Он был сточен напильником.

— Ну, и что ты об этом думаешь? — спросил О'Гар , когда мы закончили осмотр и сидели, покуривая сигареты.

— Думаю, стоило бы отыскать месье Эмиля Бонфий.

— Не помешало бы, — буркнул он. — Прежде

всего, наверное, надо связаться с теми пятью людьми из списка. Возможно, это список жертв, которых Бонфий собирается уничтожить.

— Возможно. Так или иначе, придется их разыскать. Не исключено, что некоторых уже нет в живых, но, независимо от того, убили ли их уже, убьют ли в будущем или не собираются убивать вообще, они наверняка как-то связаны с делом. Я отправлю телеграммы в филиалы нашего агентства, чтобы там занялись людьми из списка. Попробую также установить, из каких газет были сделаны вырезки.

О'Гар взглянул на часы и зевнул.

— Уже четыре. Неплохо бы чуть-чуть поспать. Я оставлю записку нашему эксперту, пусть он с утра сравнит шрифт машинки с тем письмом, подписанным Э. Б., и со списком. Нужно проверить, на ней ли их отпечатали. Похоже, что да, но надо удостовериться. Я прикажу, чтобы, как только рассветет, обыскали парк в том районе, где нашли Гантвоорта, — вдруг отыщутся пропавший штиблет и застежки от воротничка. И наконец, отправлю пару ребят во все магазины, торгующие пишущими машинками, может, они узнают что-нибудь об этой.

По дороге я заглянул на почту и отправил пач-

ку телеграмм. Потом пошел домой, чтобы там грезить о вещах, которые не имеют никакого отношения к преступлениям или работе детектива.

В одиннадцать утра я, свежий и бодрый после пяти часов сна, вошел в помещение следственного отдела и застал там сержанта О'Гара, сидящего с опущенными плечами и тупо вглядывающегося в черный штиблет, несколько застежек от воротничка, заржавленный плоский ключик и смятую газету.

— Что это такое? Сувениры с твоей свадьбы?

— Хорошо бы, — в голосе звучала тоска. — Слушай: один из портье в Национальном судоходном банке, убирая в вестибюле, нашел сегодня утром сверток. В нем был этот штиблет... недостающий штиблет Гантвоорта, завернутый в «Филадельфия Рекорд» пятидневной давности, а вместе с ним — застежки и ржавый ключ. Обрати внимание, что у штиблета оторван каблук и его до сих пор не отыскали. Уиппл опознал штиблет и две застежки, но ключа никогда раньше не видел. Остальные четыре застежки — совершенно новые, стандартные, позолоченные. Ты что-нибудь понимаешь?

Я ничего не понимал.

— А почему портье принес это сюда?

— Ой, да ведь вся история попала в утренние газеты. Там и о пропавшем штиблете, и о застежках, и так далее.

— А что известно о пишущей машинке?

— Как письмо, так и список имен были, без сомнения, отпечатаны на ней, но мы еще не знаем, откуда она взялась. Мы также проверили врача — владельца автомобиля — он вне подозрений. Точно установлено, что он делал вчера вечером. Лагерквист, торговец, который нашел Гантвоорта, тоже, кажется, ни при чем. А ты чем занимался?

— Еще нет ответов на телеграммы, которые я отправил ночью. Сегодня утром я зашел в агентство и послал четверых ребят прочесать все отели в городе и поискать там людей по имени Бонфий. В телефонном справочнике есть несколько абонентов с такой фамилией. Я выслал также телеграмму в наше нью-йоркское отделение, чтобы там просмотрели списки пассажиров пароходов, нет ли в них какого-нибудь Эмиля Бонфий. А еще — связался с нашим парижским агентом и попросил его поискать там, на месте.

— Ну что ж, наверное, сейчас самое время навестить адвоката Гантвоорта, мистера Абернети,

и мисс Декстер, прежде, чем мы займемся чем-то другим, — сказал сержант-детектив.

— Наверное, — согласился я. — Начнем с адвоката. В такой ситуации он пока самая важная фигура.

Мюрей Абернети был высоким, худым, пожилым мужчиной, который говорил медленно и носил крахмальные манишки. Он слишком щепетильно относился к тому, что считал профессиональной этикой, чтобы оказаться для нас полезным в той степени, на которую мы рассчитывали. Но, позволив ему свободно излагать свои мысли, как это было у него в обычае, мы все-таки вытянули из юриста кое-какую информацию. Она заключалась в следующем.

Убитый и Креда Декстер собирались пожениться в ближайшую среду. Его сын и ее брат были против их брака, поэтому Гантвоорт и его избранница решили тайно сочетаться в Окленде, а затем, в тот же день, сесть на пароход, идущий на Восток, полагая, что пока их медовый месяц будет продолжаться, и его сын, и ее брат успеют смириться с этим фактом.

Завещание было изменено и, согласно последней записи, одна половина состояния Гантвоорта теперь переходила к его жене, а другая к сы-

ну и невестке. Однако новый документ не был подписан, и Креда Декстер об этом знала. Она была осведомлена — как со своей решимостью подчеркнул Абернети — что, в соответствии с первым, все еще имеющим юридическую силу текстом завещания, состояние Гантвоорта наследуют Чарльз и его жена. Тем не менее в сложившейся ситуации мисс Декстер все же имеет хорошие шансы получить свою долю. Если не будет доказана ее причастность к убийству.

Капитал Гантвоорта мы оценили — на основании некоторых намеков и осторожных утверждений адвоката — примерно в 1,5 миллиона долларов наличными. Абернети никогда не слышал ни об Эмиле Бонфий, ни о каких-либо угрозах или покушениях на жизнь убитого. Он также ничего не знал или не хотел нам сказать хоть что-нибудь о том таинственном предмете, в краже которого обвиняло Гантвоорта письмо с угрозами.

Из конторы адвоката Абернети мы направились в квартиру Креды Декстер, расположенную в современном фешенебельном доме в нескольких минутах ходьбы от резиденции Гантвоортов.

Креда Декстер оказалась миниатюрной женщиной двадцати с чем-то лет. Первое, на что человек

обращал внимание, были ее глаза. Большие, глубокие, янтарного цвета, с очень подвижными зрачками. Они все время изменяли размер, расширялись и уменьшались, иногда медленно, иногда стремительно; то они были как булавочная головка, то вдруг почти закрывали янтарные радужки. Глядя в эти глаза, человек вскоре начинал осознавать, что все в ней было типично кошачье. Каждое ее движение казалось тягучим, плавным, уверенным движением кошки. Овал довольно симпатичной мордашки, форма губ, маленький носик, брови и ресницы — все было кошачье. Этот эффект усиливала и манера зачесывать густые каштановые волосы.

— Мистер Гантвоорт и я, — сказала она нам после предварительных объяснений, — собирались пожениться послезавтра. Его сын и невестка, как, впрочем, и мой брат Мздден, были против этого брака. Они считали, что наша разница в возрасте слишком существенна. Поэтому во избежание неприятностей, мы решили зарегистрироваться без шума и уехать на год или больше за границу, уверенные, что когда мы вернемся, все уже забудут о своих предубеждениях.

Вот почему мистер Гантвоорт и уговорил Мэдде-на поехать в Нью-Йорк. Там у него было какое-то

дело... что-то связанное с акциями металлургического завода. Вот он и воспользовался этим предлогом, чтобы удалить Мэддена, пока мы не отправимся в свадебное путешествие. Мэдден живет здесь, со мной, а значит, мои приготовления к отъезду не могли не привлечь его внимания.

— Мистер Гантвоорт был у вас вчера вечером? — спросил я.

— Нет, хотя я ждала его. Мы собирались пойти погулять. Обычно он добирался пешком, живет он в двух кварталах отсюда. Когда мистер Гантвоорт не появился и в восемь часов, я позвонила к нему домой, и Уиппл сказал, что он вышел около часа назад. Потом я звонила еще два раза. Сегодня утром, прежде чем заглянуть в газеты, я опять позвонила и узнала, что...

Голос ее сорвался, и она замолчала. Это было единственное проявление чувств, которое она позволила себе в течение разговора. После показаний Уиппла и Чарльза Гантвоорта мы ожидали более драматичной сцены скорби. Мисс Декстер нас разочаровала. В ней не было ничего искусственного, она даже слезами не воспользовалась.

— А позавчера вечером мистер Гантвоорт был здесь?

— Да. Он пришел в начале девятого и оставался почти до полуночи. Из дома мы не выходили.

— Сюда и отсюда он шел пешком?

— Да, насколько я знаю.

— Он вам говорил когда-нибудь, что ему угрожают смертью?

— Нет.

Она решительно качнула головой.

— Вы знаете Эмиля Бонфий?

— Нет.

— А мистер Гантвоорт не вспоминал о нем в вашем присутствии?

— Нет, никогда.

— В каком отеле остановился ваш брат в Нью-Йорке?

Беспокойные зрачки резко расширились, словно пытаясь закрыть и белки глаз. Это был первый явный признак страха, который я в ней заметил. Если бы не эти красноречивые зрачки, она могла бы показаться совершенно спокойной.

— Не знаю.

— Когда он выехал из Сан-Франциско?

— В четверг... четыре дня назад.

После ухода от мисс Декстер мы прошли в задумчивости, наверное, шесть-семь кварталов, прежде чем О'Гар прервал молчание.

— Красивенький котенок эта дамочка. Погладь ее по шерстке, и она заурчит от удовольствия, Но попробуй против шерсти, и увидишь ее коготки.

— Тебе что-нибудь говорит тот блеск в ее глазах, когда я спросил о брате?

— Что-то говорит... но я не знаю что. Надо бы его разыскать и проверить, действительно ли он в Нью-Йорке. Если братец находится там сегодня, то совершенно очевидно, что он не мог быть здесь вчера. Даже почтовый самолет проделывает это расстояние за двадцать шесть — двадцать восемь часов.

— Проверим, — согласился я. — Похоже, Креда Декстер не так уж уверена, что ее родственничек не приложил руку к убийству. У нас тоже нет уверенности, что этому Бонфий никто не помогал. Но мне кажется маловероятным, чтобы сама Креда участвовала в преступлении. Она знает, что завещание еще не подписано. Глупо было бы таким образом избавляться от 750 тысяч долларов.

Мы отправили довольно длинную телеграмму в нью-йоркское отделение и заглянули в агентство посмотреть, не пришли ли ответы на те депеши, которые я выслал ночью.

Оказалось, пришли.

Ни одного человека из тех, чьи имена стояли

рядом с именем Гантвоорта в отпечатанном на машинке списке, обнаружить не удалось. Не удалось даже напасть на след кого-нибудь из них. Два адреса вообще были ошибочные — на указанных улицах не существовали дома под такими номерами. Ни сейчас, ни когда-либо в прошлом.

Остаток дня мы с О'Гаром провели, путешествуя по улицам между домом Гантвоорта на Ращен Хилл и квартирой Декстеров. Мы расспрашивали каждого, кто попадался по дороге — мужчин, женщин, детей, которые жили, работали или отдыхали на протяжении трех маршрутов, одним из которых мог воспользоваться убитый.

Никто не слышал выстрела Эмиля Бонфий позавчера вечером. Никто не видел ничего подозрительного в ночь убийства. Никто также не заметил, как покойный садился в автомобиль.

Затем мы отправились в дом Гантвоортов и еще раз опросили Чарльза, его жену и всех слуг — и ничего нового не узнали. Насколько им было известно, ничто из вещей убитого не пропало — ничто, настолько маленькое, чтобы его можно было спрягать в каблуке штиблета.

Обувь, которую Леопольд Гантвоорт носил в тот день, была одной из трех пар, сделанных по заказу в Нью-Йорке два месяца назад. Он мог

оторвать каблук левого штиблета, выдолбить его так, чтобы там поместился небольшой предмет, а потом снова прибить на место. Уиппл, однако, решительно утверждал, что наверняка заметил бы следы подобных манипуляций, особенно в исполнении непрофессионала.

Исчерпав все возможности в этой области, мы вернулись в агентство. Только что пришла телеграмма из нью-йоркского отделения, в которой сообщалось, что Эмиль Бонфий не фигурировал в списках пассажиров ни одного из пароходов, прибывших из Англии, Франции или Германии за последние шесть месяцев.

Агенты, которые прочесывали город в поисках Эмиля Бонфий, вернулись с пустыми руками. Они обнаружили и допросили одиннадцать человек, носящих эту фамилию, в Сан-Франциско, Окленде, Беркли и Аламеде. Опросы подтвердили алиби всех одиннадцати. Никто из них не знал Эмиля Бонфий. Проверка отелей тоже ничего не дала.

Мы с О'Гаром отправились на ужин — молчаливую, прошедшую в подавленном настроении трапезу, в течение которой мы вряд ли обменялись и полудюжиной слов, а потом вернулись в агентство, куда тем временем принесли еще одну телеграмму:

«Мэдден Декстер прибыл сегодня утром в отель „Макэлпайн“ с доверенностью на продажу акций Гантвоорта в Б. Ф. Ф. „Айрон Корпорейшен“. Отрицает, что знаком с Эмилем Бонфий и что знал об убийстве. Собирается закончить дела завтра и вернуться в Сан-Франциско».

Я позволил листку бумаги, на котором расшифровывал депешу, выскользнуть из моих пальцев; мы сидели в апатии друг напротив друга, тупо глядя пустыми глазами друг другу в лицо поверх моего стола, слушая, как грохочет ведрами уборщица в коридоре.

— Забавная история, — сказал наконец О'Гар словно сам себе.

Я кивнул. Действительно, забавная.

— У нас есть девять ключей к разгадке тайны, — продолжал он после паузы. — Девять следов, и ни один из них никуда не ведет.

Первый: Гантвоорт позвонил в сыскное агентство и сказал, что некий Эмиль Бонфий, с которым у него был давний конфликт в Париже, прислал ему письмо с угрозами и стрелял в него.

Второй: пишущая машинка и тот факт, что и письмо, и список имен напечатаны именно на ней. Мы все еще пытаемся определить ее происхождение, но на данный момент безуспешно. Да

и вообще, что это, черт возьми, за оружие? Может быть, Бонфий взбесился и огрел Гантвоорта первым, что ему попалось под руку? Но откуда она взялась в краденом автомобиле? И зачем кто-то спилил ее номер?

Я покачал головой в знак того, что понятия не имею, и О'Гар продолжал перечислять ключи к загадке, имеющиеся в нашем распоряжении:

— Третий: письмо с угрозами, о котором Гантвоорт говорил по телефону.

Четвертый: две пули с крестообразным распилом.

Пятый: шкатулка для драгоценностей.

Шестой: прядь светлых волос.

Седьмой: тот факт, что кто-то забрал левый штиблет убитого и застежки от его воротничка.

Восьмой: найденный рядом бумажник с двумя десятидолларовыми банкнотами, тремя вырезками из газет и списком имен.

Девятый: обнаружение на следующий день штиблета, недостающих застежек и еще четырех других, а также ржавого ключа, причем все это было завернуто в филадельфийскую газету пятидневной давности.

Вот и все наши следы. Если они вообще о чем-то говорят, то исключительно о том, что Гантвоорт

украл какую-то вещь у некоего Эмиля Бонфий в Париже в 1902 году, а теперь тот приехал за этим предметом. Вчера вечером он увез Гантвоорта в украденном автомобиле, захватив с собой — бог знает для чего — пишущую машинку. Гантвоорт затеял с ним ссору, в ходе которой Бонфий раскроил ему череп этой самой машинкой, а потом обыскал карманы убитого, скорее всего, ничего оттуда не взяв. Он решил, что нужная ему вещь должна находиться в левом штиблете Гантвоорта, поэтому и унес штиблет. Затем... но это ничего не объясняет: ни исчезновения застежек от воротничка, ни списка несуществующих лиц...

— А вот как раз и объясняет, — прервал я его, распрямляясь и умнея на глазах. — Это будет наш десятый ключ, которым мы отныне и будем пользоваться. Тот список, исключая фамилию и адрес Гантвоорта, полностью вымышлен. Наши ребята обязательно отыскали бы хоть одного человека из тех пяти, если бы они существовали в действительности. Но они не нашли и следа этих людей. К тому же в двух адресах указаны ошибочные номера домов.

Кто-то сочинил этот список, положил его в бумажник вместе с вырезками из газет и двадцатью долларами... для большей правдоподобности... и

подбросил возле машины, с целью запутать полицию. А если так, то ставлю сто против одного, что и все остальное тоже мистификация.

С этой минуты я буду считать наши девять красивых ключиков девятью ложными следами. И пойду в обратном направлении. Я начну искать человека, чье имя не Эмиль Бонфий, чьи инициалы не соответствуют буквам Э. Б., не француза, который не был в Париже в 1902 году. Человека, у которого не светлые волосы, который не носит револьвер калибра 9,1 мм, не интересуется разделом личных объявлений в газетах. Человека, не убивавшего Гантвоорта из-за какой-то штуки, которую можно спрятать в штиблете или на застежке от воротничка. Я начну охоту за кем-то совершенно другим.

Сержант-детектив прищурил задумчиво свои маленькие зеленые глазки и почесал затылок.

— Что ж, может, это и не так глупо, — сказал он. — Может, ты и прав. А если да, то что? Наш котенок не убивал... это обошлось бы ей в 750 тысяч долларов. Брат ее тоже нет — он в Нью-Йорке. А, кроме того, людей не отправляют на тот свет лишь потому, что они слишком старые для чьей-то там сестры. Чарльз Гантвоорт? Он и его жена — единственные, кому была выгодна смерть отца

до того, как он подпишет новое завещание. И у нас есть только их собственные утверждения, что Чарльз был дома в тот вечер. Слуги не видели его с восьми до одиннадцати. Ты был там и тоже его не видел. Но мы оба верим, когда он говорит, что не выходил из дому весь вечер. И никто из нас не думает, что это он прикончил своего старика... хотя, конечно, вполне мог. Так, значит, кто?

— Эта Креда Декстер, — предположил я. — Она хотела выйти замуж за Гантвоорта ради его денег, да? Ты ведь не думаешь, что она была влюблена?

— Нет. Если и влюблена, то только в его полтора миллиона.

— Отлично, — продолжал я. — Она ведь совсем не уродина. Ты считаешь, что Гантвоорт был единственным мужчиной, который когда-либо потерял от нее голову?

— Понял! Понял! — выкрикнул О'Гар. — Ты, о том, что вполне может существовать еще какой-то молодой человек, у которого нет полутора миллионов и который не хочет так легко смириться с поражением от того, у кого они есть? Может... может.

— Ну, так давай бросим к черту все, над чем мы до сих пор сушили мозги, и возьмемся за дело под этим углом.

— Согласен, — сказал он. — Итак, завтра с самого утра мы начинаем искать соперника Гантвоорта в борьбе за лапку этой кошечки.

Разумно это или нет, но именно так мы и поступили. Бросили все эти красивые улики на дно ящика в столе, заперли его и забыли о них. А затем занялись поисками знакомых мужчин Креды Декстер, чтобы попробовать выявить среди них убийцу.

Но это оказалось вовсе не таким простым делом, как мы считали.

В ее прошлом мы не обнаружили ни одного мужчины, которого можно было бы назвать кандидатом на ее руку. Они с братом жили в Сан-Франциско уже три года. Мы проследили каждый их шаг за весь этот период, с одной квартиры до другой. Опросили даже тех, кто знал их хотя бы в лицо. И ни один не мог назвать нам никого, кроме Гантвоорта, кто бы интересовался этой женщиной. Никто, попросту, не видел возле нее кого-либо, кроме Гантвоорта или брата.

Такие результаты если и не продвинули нас вперед, то, по крайней мере, убедили, что мы на верном пути. Обязательно был — считали мы — в ее жизни хоть один мужчина в течение этих трех лет, помимо Гантвоорта. Она не принадлежала

к тем женщинам — или мы сильно в ней ошибались — которые остались бы безразличными к знакам внимания со стороны мужчин, природа щедро наделила ее достоинствами, привлекающими представителей сильного пола. А если существовал второй мужчина, то уже сам факт, что он так старательно скрывался, говорил о его возможном участии в убийстве Гантвоорта.

Нам не удалось установить, где Декстеры жили до приезда в Сан-Франциско, но тот период их жизни и не очень-то нас интересовал. Существовала, конечно, возможность, что на сцене вдруг появился какой-то давний возлюбленный, но, в таком случае, легче было бы обнаружить их новую связь, чем старую.

Не оставалось сомнений — как подтвердило наше расследование — что Чарльз Гантвоорт был прав, считая Декстеров охотниками за богатством. Все их поведение указывало на это, хотя деятельность подозрительной парочки и не носила явно преступного характера.

Я еще раз взялся за Креду Декстер и провел в ее квартире целый день, задавая вопрос за вопросом, и все они касались ее прежних амурных связей. Кого она бросила ради Гантвоорта и его миллионов? А ответ всегда был: никого. Ответ, в

который я не верил.

Мы приказали следить за Кредой Декстер круглые сутки, но это не помогло нам продвинуться в наших поисках даже на сантиметр. Возможно, она подозревала, что за ней следят. Во всяком случае, она редко выходила из дома и только с самой невинной целью. Мы приказали держать под наблюдением ее квартиру, независимо, была она внутри или нет. Никто не появился. Мы организовали прослушивание ее телефона — никаких результатов. Расставили сети на ее корреспонденцию — ни одного письма, даже с рекламой.

Тем временем стало известно, откуда взялись три газетные вырезки, обнаруженные в бумажнике: из колонок личных объявлений нью-йоркской, чикагской и портлендской газет. Объявление в портлендской газете появилось за два дня до убийства, в чикагской — за четыре, а в нью-йоркской — за пять. Все эти газеты оказались в киосках Сан-Франциско в день убийства — чтобы каждый, кто хотел запутать следствие, мог их купить.

Парижский работник агентства отыскал — ни больше, ни меньше — шестерых Эмилей Бонфий и шел по следу еще троих.

Но мы с О'Гаром уже не забивали себе этим

головы — мы полностью отказались от прежней версии и были теперь по горло заняты поисками соперника Гантвоорта.

Так шли дни и так обстояли дела, когда пришло время возвращения Мэддена Декстера из Нью-Йорка.

Наше тамошнее отделение не спускало с него глаз и сообщило нам о его отъезде, так что я знал, каким поездом он прибудет. Я хотел задать ему несколько вопросов, прежде чем он увидится с сестрой. Он мог бы удовлетворить кое в чем мое любопытство, при условии, что я встречусь с ним раньше, чем сестра успеет ему посоветовать держать язык за зубами.

Если бы я знал Мэддена в лицо, то мог бы перехватить его в Окленде, при выходе из вагона, но я никогда его не видел, а брать с собой для опознания Чарльза Гантвоорта или еще кого-нибудь не хотел.

Поэтому с утра я поехал в Сакраменто и сел там в тот же поезд, которым путешествовал Декстер. Я положил в конверт свою визитную карточку и дал его станционному посыльному. А сам потом шел за ним через все вагоны и слушал, как он выкрикивает:

— Мистер Декстер! Мистер Декстер!

В последнем — на смотровой площадке — худощавый темноволосый мужчина в хорошего покроя твидовом костюме повернул голову и протянул руку к посыльному.

Я наблюдал за ним, пока он нервно разрывал конверт и читал мою визитную карточку. Подбородок его слегка дрожал, что говорило о слабости характера. Возраст мужчины я оценил в двадцать пять — тридцать лет. Волосы его были разделены пробором посередине и приглажены по бокам, глаза — большие, карие, слишком выразительные, нос — маленький, правильной формы, губы — очень красные, нежные, и аккуратные каштановые усики.

Когда он оторвал взгляд от моей визитки, я сел на свободное место напротив.

— Мистер Декстер?

— Да, — ответил он. — Вы, наверное, хотите со мной говорить в связи со смертью мистера Гантвоорта?

— Точно. Я хочу задать вам несколько вопросов, а поскольку я как раз был в Сакраменто, то подумал, что могу сделать это в поезде и, таким образом, не займу у вас много времени.

— Если я в состоянии помочь, — произнес он, — то пожалуйста. Но я уже рассказал детективам в

Нью-Йорке все, что мне известно, и не очень-то им это помогло.

— Дело в том, что со времени вашего отъезда из Нью-Йорка ситуация несколько изменилась, — говоря это, я внимательно следил за его лицом. — То, что раньше мы считали несущественным, сейчас может оказаться крайне важным.

Я замолчал, а он облизал губы и избегал моего взгляда. Мне подумалось, что он, видимо, сильно нервничает. Я выждал несколько минут, сделав вид, что глубоко задумался. Я был уверен, что если хорошо разыграю свою партию, то выверну его наизнанку. Он производил впечатление человека, сделанного не из очень крепкого материала.

Мы сидели, наклонив головы друг к другу, чтобы остальные пассажиры в вагоне нас не услышали, и это было мне на руку. Любой детектив знает, что гораздо легче получить показания — или даже признание — от человека со слабым характером, если приблизить лицо к его лицу и говорить громко. Повышать голос я, естественно, не мог, но уже само сближение лиц давало мне преимущество.

— Кто из знакомых вашей сестры, — сказал я наконец, — кроме мистера Гантвоорта, особенно за ней ухаживал?

Он громко проглотил слюну, посмотрел в окно, потом быстро на меня и снова в окно.

— Честное слово, не знаю.

— О'кей. Попробуем иначе. Перечислите по порядку всех мужчин, которые интересовались ею и которыми интересовалась она.

Он продолжал смотреть в окно.

— Ну, кто первый? — нажимал я.

Он загнанно, с отчаянием, взглянул мне в глаза.

— Я понимаю, что это звучит глупо, но я, ее родной брат, не могу назвать ни одного человека, которым Креда интересовалась бы до знакомства с Гантвоортом. Она никогда, насколько мне известно, не питала никаких чувств ни к одному мужчине. Возможно, конечно, был кто-то, о ком я не знаю, но...

Действительно, это звучало глупо. Креда Декстер — хорошенький котенок, как ее назвал О'Гар , — по-моему, не выдержала бы долго, если бы хоть один мужик за ней не волочился. Сидящий передо мной щуплый красавчик, конечно же, врал. Другого объяснения не было.

Я взялся за него всерьез. Но когда под вечер мы подъезжали к Окленду, он все еще упирался в своем утверждении, что Гантвоорт являлся

единственным поклонником его сестры, о котором ему было известно. А мне было известно, что я совершил ошибку, недооценив Мэддена Декстера, и плохо разыграл свои карты, пытаясь слишком быстро все из него вытянуть; слишком ясно дал ему понять, что меня интересует. Он оказался значительно более крепким, чем я думал. Или значительно более заинтересованным в сокрытии убийцы Гантвоорта, чем можно было предположить.

Но один положительный момент все же присутствовал — раз Декстер лгал — а насчет этого сомнений быть не могло — значит, соперник Гантвоорта действительно существовал и несостоявшийся родственник подозревал или знал наверняка, что соперник этот и прикончил старика.

Сходя с поезда в Окленде, я понимал, что потерпел поражение и что уже не вытяну из него ничего интересного — во всяком случае, не сегодня. Но, тем не менее, я держался рядом с ним и не оставил его, когда он сел на паром, идущий в Сан-Франциско, хотя Декстер и не скрывал, что мое общество ему уже надоело. Всегда есть шанс, что произойдет нечто непредвиденное, а посему я продолжал изводить его вопросами и тогда,

когда паром отчалил от берега.

Вскоре к нам подошел мужчина — здоровенный крепкий парень в легком плаще и с черной сумкой.

— Привет, Мэдден, — поздоровался он с моим спутником, приближаясь к нему с вытянутой рукой. — А я только приехал и как раз пытался припомнить номер твоего телефона, — сказал он, поставив сумку и дружески пожав ему ладонь.

Мэдден Декстер обернулся ко мне.

— Это мистер Смит, — представил он парня и, произнеся мою фамилию, добавил: — Работник Континентального сыскного агентства в Сан-Франциско.

Это пояснение — несомненно, с целью предостеречь Смита — привело к тому, что я напрягся и стал более бдительным. Паром, однако, был забит людьми — нас окружало человек сто. Я расслабился, мило улыбнулся и обменялся со Смитом рукопожатием. Кем бы ни был этот человек и какова бы ни была его связь с убийством — а если не было никакой, то зачем Декстер так срочно и неуклюже его предупредил — он не мог мне здесь ничего сделать. Люди вокруг давали мне преимущество перед ним.

Это была моя вторая ошибка в тот день.

Левая рука Смита полезла в карман плаща, вернее, в глубь такого вертикального разреза, который встречается в некоторых плащах; через него можно добраться до внутренних карманов, не расстегивая пуговицы. Его ладонь исчезла в этом разрезе и раздвинула плащ настолько, чтобы я увидел приподнятый ствол автоматического пистолета (который, кроме меня, никто заметить не мог), направленный мне в живот.

— Выйдем на палубу? — спросил Смит, но это был приказ.

Я колебался. Не хотелось мне покидать всех этих людей, которые стояли или сидели — слепцы — вокруг нас. Но Смит не производил впечатления осторожного человека. Похоже было, что он вполне способен пренебречь и сотней свидетелей.

Я повернулся и двинулся сквозь толпу. Правая рука Смита дружески лежала на моем плече, когда он шел за мной, левая сжимала скрытый под плащом и прижатый к моему позвоночнику пистолет.

На палубе было безлюдно. Над паромом и водой клубился тяжелый туман, влажный, словно дождь, — туман зимних ночей в заливе Сан-Франциско — который согнал вниз всех пассажиров.

Он висел над нами, густой и непроницаемый. Из-за него я не мог видеть даже конца парома, хоть на нем и горели фонари.

Я остановился.

Смит толкнул меня в спину.

— Дальше, дальше, чтоб мы могли спокойно поговорить, — проворчал он мне в ухо.

Я прошел дальше, пока не очутился возле поручней ограждения.

Весь мой затылок вдруг обожгло огнем... маленькие пятнышки света искрились в темноте передо мной... начали расти... обрушились на меня.

Полусознание... Я понял, что машинально стараюсь удержаться на поверхности и выбраться из плаща. Затылок отчаянно пульсировал. Глаза жгло. Я чувствовал, какой я тяжелый и пропитанный влагой, словно опился несколькими галлонами воды.

Туман низко и густо стелился над водой — кроме него, я ничего не видел. Когда я наконец освободился от сковывающего движения плаща, в голове слегка прояснилось, но вместе с возвращающимся сознанием пришла боль.

Какой-то огонек блеснул неясно слева, затем исчез. Сквозь покрывало тумана — со всех сторон,

разными голосами — -подвывали противотуманные сирены. Я перестал грести и приподнялся на спине над водой, пытаясь определить свое местонахождение.

Вскоре мой слух различил регулярно повторяющиеся гудки сирены из Алькатрац, но это ничего мне не давало. Они проникали сквозь туман как-то оторванно, так, что невозможно было определить направление — словно шли откуда-то сверху.

Я находился где-то в заливе Сан-Франциско и только это знал наверняка, хотя и подозревал, что течение сносит меня к Голден Гейт.

Прошло еще немного времени, прежде чем я сориентировался, что покинул трассу оклендских паромов — уже довольно долго ни один из них не проплывал мимо. Я был рад, что убрался с их дороги. В таком тумане паром скорее потопил бы меня, чем спас.

Вода пронизывала холодом, поэтому я повернулся и заработал руками с достаточной энергией, чтобы стимулировать кровообращение, но одновременно и экономить силы до того момента, когда найду определенную цель для своих усилий.

Какая-то сирена начала повторять свою вою-

щую ноту все ближе и ближе, вскоре появились огни парома. Это паром из Сосалито, подумал я.

Он подошел довольно близко, и я принялся вопить так, что у меня перехватило дыхание и заболело горло. Но сирена, выкрикивая свои предупреждения, заглушала мой голос.

Паром прошел мимо, и туман сомкнулся за ним. Течение стало теперь сильнее, а попытки привлечь внимание парома из Сосалито истощили мои силы. Я перевернулся на спину и, отдыхая, позволил волнам нести себя, куда они захотят.

Неожиданно передо мной вновь мигнул огонек, секунду горел и исчез.

Я заорал, замолотил руками и ногами как сумасшедший, пытаясь добраться до места, где находился этот огонек. Больше я его не видел.

Мной овладела апатия, понимание тщетности моих усилий. Вода уже не была холодной. Мне стало тепло, и тело мое охватило приятное успокаивающее оцепенение. Голова не пульсировала, я вообще ее не чувствовал. Я уже не видел никаких огней, слышал только отовсюду стоны противотуманных сирен... стоны сирен... стоны сирен впереди, сзади — со всех сторон — мучительные, раздражающие.

Если бы не эти стоны, я бы уже прекратил

всякое сопротивление. Они остались для меня единственным неприятным ощущением — вода была ласковая, усталость убаюкивала. Но сирены меня изводили. Я проклинал их последними словами и решил плыть до тех пор, пока не перестану их слышать, а потом, в тихом и нежном тумане, заснуть...

Время от времени я проваливался в сон, чтобы вновь позволить сиренам разбудить себя.

— Чертовы сирены, чертовы сирены! — громко жаловался я раз за разом.

Вскоре одна из них стала напирать на меня сзади, с каждым мигом все более пронзительная и назойливая. Я перевернулся на спину и ждал. Показались огни, мутные, расплывчатые.

С большой осторожностью, стремясь избежать малейшего плеска, я отплыл в сторону. Как только эта напасть наконец пройдет, я смогу уснуть. Я тихонько захихикал, когда огни подошли совсем близко, чувствуя глупую радость от того, что мне удалось так ловко спрятаться. Чертовы сирены...

Жизнь, жажда жизни захлестнула меня вдруг гигантской волной. Я заорал на проплывающий паром и бросился к нему изо всех сил. Не переставая грести, я вскидывал голову и кричал...

Когда я уже второй раз за этот вечер пришел

в себя, то понял, что лежу лицом вверх на трясущейся багажной тележке. Вокруг двигались люди, проходя мимо, они поглядывали на меня с любопытством. Я сел на тележке.

— Где мы? — спросил я.

Мне ответил невысокий краснолицый мужчина в униформе:

— Подходим к Сосалито. Не двигайся. Мы отвезем тебя в больницу.

Я огляделся по сторонам.

— А когда этот паром возвращается в Сан-Франциско?

— Сразу же.

Я соскочил с тележки и пошел обратно.

— Мне нужно в Сан-Франциско, — объяснил я.

Полчаса спустя, дрожа и сжимаясь от холода в мокрой одежде, с сомкнутыми челюстями — чтобы зубы не стучали и не уподоблялись стаканчику с костями, я уселся в такси на Водном вокзале и поехал домой.

Там я выпил полбутылки виски, растерся жестким полотенцем, пока кожа не начала гореть и можно было сказать, что я вновь почувствовал себя человеком, если бы не адская усталость и ноющая боль в голове.

Я позвонил О'Гару и попросил его срочно при-

ехать ко мне, а потом набрал номер Чарльза Гантвоорта.

— Вы уже виделись с Мэдденом Декстером? — спросил я.

— Нет, но мы говорили по телефону. Он позвонил, мне сразу, как вернулся. Я предложил ему встретиться завтра утром в конторе мистера Абернети, чтобы поговорить о деле, которое он улаживал для отца.

— Вы можете позвонить ему сейчас и сказать, что вам нужно уехать из города... что вы уезжаете рано утром... и хотите встретиться с ним у него сегодня вечером?

— Если вы настаиваете...

— Отлично. Сделайте это, пожалуйста. Сейчас я заеду за вами и мы отправимся туда вместе.

— А что...

— Все объяснения при встрече, — отрезал я и повесил трубку.

О'Гар вошел, когда я заканчивал одеваться.

— Значит, он что-то тебе сказал? — спросил сержант-детектив, зная, что я собирался перехватить Декстера в поезде и допросить его.

— Да, — ответил я с горьким сарказмом. — Но об этом я уже забыл. Я проделал с ним всю дорогу от Сакраменто до Окленда и не вытянул из него

ни слова. Когда мы сели на паром через залив, он познакомил меня с одним парнем, которого назвал Смитом, и с ходу сообщил ему, где я работаю. И все это — обрати внимание — происходило на переполненном пароме. Мистер Смит приставил мне пушку к животу, вывел на палубу, а затем треснул чем-то по затылку и столкнул в воду.

— Ну, ты даешь, — О'Гар улыбнулся, а потом наморщил лоб. — Похоже, что именно этот Смит нам и нужен... что именно он и прикончил Гантвоорта. Но зачем же он так засветился, выбрасывая тебя за борт?

— Не понимаю, — признался я, примеряя, какая из шляп будет меньше давить на мою больную голову. — Декстер сообразил, что мы ищем одного из давних поклонников его сестры. И, наверное, решил, что я знаю значительно больше, иначе бы он не действовал так поспешно, подсказав Смиту мою профессию.

Возможно, когда Декстер потерял голову и предупредил Смита на пароме, тот прикинул, что очень скоро — если не сейчас же — я возьмусь за него. Поэтому он и предпринял отчаянную попытку избавиться от меня. Но это мы скоро выясним, — закончил я, когда мы подошли к ожидавшему нас такси.

— Не надеешься же ты сегодня еще раз увидеть Смита? — спросил О'Гар.

— Нет. Он наверняка лег на дно и выжидает, как развернутся события. Но Мэдден Декстер должен быть на виду, это в его интересах. На момент убийства Гантвоорта у него неопровержимое алиби, а поскольку он полагает, что я умер, то чем более естественно он будет себя вести, тем безопаснее для него. Безусловно, он знает обо всем, хотя и необязательно прямо замешан. Кажется, он не выходил на палубу вслед за нами. Во всяком случае, сейчас Декстер дома. И на этот раз он будет говорить.... на этот раз он все скажет.

Когда мы подъехали, Чарльз Гантвоорт стоял на ступеньках перед парадной дверью. Он сел в такси, и мы отправились к Декстерам. У нас не было времени отвечать на вопросы, которыми он засыпал нас с каждым оборотом колес машины.

— Он дома и ждет вас? — спросил я.

— Да.

Мы вылезли из такси и вошли в подъезд дома.

— Мистер Гантвоорт к мистеру Декстеру, — сказал он филиппинцу на коммутаторе.

Филиппинец доложил по телефону.

— Прошу вас, — пригласил он нас.

У двери квартиры Декстеров я обогнал Гантво-

орта и нажал кнопку звонка.

Дверь открыла Креда Декстер. Ее янтарные глаза расширились, и улыбка замерла на лице, когда я прошел мимо нее в глубь квартиры.

Я быстро пересек прихожую и свернул в первую же комнату, из-за двери которой пробивался свет.

И нос к носу столкнулся со Смитом.

Мы оба обалдели, но его изумление было больше, чем мое. Ни один из нас не ожидал встретить другого, но я-то знал, что он жив, а вот у Смита были все основания полагать, что я лежу на дне залива.

Я воспользовался его оцепенением, чтобы сделать два шага вперед, пока он успел что-то сообразить.

Его рука двинулась вниз.

Мой правый кулак врезался ему в лицо... врезался всей тяжестью каждого грамма моих девяноста килограммов веса, усиленной воспоминаниями о каждой секунде, проведенной в воде, и о каждом ударе пульса в моей разбитой голове.

Тянувшаяся за пистолетом рука слишком поздно вернулась, чтобы блокировать мой кулак.

В нем что-то хрустнуло, когда он столкнулся с его лицом.

Мое предплечье онемело.

Но Смит упал. И лежал неподвижно.

Я перепрыгнул через него и бросился к двери по другую сторону комнаты, левой рукой вытаскивая револьвер.

— Где-то здесь должен быть Декстер, — крикнул я О'Гару, который в этот момент вошел вместе с Кредой и Гантвоортом. — Будь внимателен!

Я пробежал через комнаты, открывая по дороге шкафы и заглядывая во все углы, но никого не нашел.

Потом я вернулся туда, где Креда Декстер с помощью Гантвоорта пыталась привести в чувство неподвижного Смита.

Сержант-детектив взглянул на меня через плечо.

— Ты знаешь, кто этот шутник? — спросил он.

— Конечно. Мой приятель Смит.

— Гантвоорт говорит, что это Мэдден Декстер.

Я посмотрел на Чарльза Гантвоорта, который кивнул.

— Это Мэдден Декстер, — подтвердил он.

Мы трудились над Декстером десять минут, прежде чем он открыл глаза.

Как только он сел, мы принялись засыпать его вопросами и обвинениями, в надежде получить

показания, пока он еще не пришел в себя. Но парень вовсе не был таким слабачком.

— Можете меня посадить, если хотите, — процедил он. — То, что надо, я скажу своему адвокату и никому больше.

Вот и все, что мы с него имели.

Креда Декстер, которая отошла в сторону, когда ее брат пришел в чувство, стояла немного дальше, глядя на нас; вдруг она приблизилась и тронула меня за плечо.

— Какие у вас улики против него? — спросила она вызывающе.

— Этого я не скажу, — парировал я. — Но могу сообщить, что мы предоставим ему возможность доказать в красивом новом зале суда, что это не он убил Леопольда Гантвоорта.

— Он был в Нью-Йорке!

— А вот и нет! Он послал туда своего дружка под именем Мэддена Декстера, чтобы тот уладил там дела мистера Гантвоорта. А сам он встретился с ним сегодня на пароме, чтобы забрать бумаги, касающиеся соглашения с фирмой Б. ф. ф. «Айрон Корпорейшен», сообразил, что мы случайно узнали правду о его алиби... чего в то время я и сам не понял.

Она резко повернулась к своему брату.

— Это правда?

Он насмешливо скривил губы и продолжал ощупывать свою челюсть в том месте, куда пришелся удар моего кулака.

— Все, что надо, я скажу адвокату, — повторил он.

— Ах, так? — взорвалась она. — Тогда я скажу все, что надо, и здесь, сейчас!

Она снова повернулась ко мне.

— Мэдден вовсе мне не брат! Моя фамилия Айвес. Мы познакомились с Мэдденом четыре года назад в Сент-Луисе, с годик путешествовали вместе, а потом приехали в Сан-Франциско. Он был мошенником... и сейчас мошенник. С мистером Гантвоортом он познакомился месяцев шесть-семь назад и пытался подбить его на покупку липового изобретения. Он несколько раз приводил его сюда, представив меня своей сестрой. Мы вели себя, как родственники.

Затем, после нескольких визитов мистера Гантвоорта, Мэдден решил сыграть по-крупному. Он понял, что мистер Гантвоорт меня любит и можно будет вытянуть из него больше денег шантажом. Я должна была флиртовать с жертвой до тех пор, пока не получу полную власть над ним... пока мы не опутаем его так, чтобы он не мог вырваться...

пока его не накроют при компрометирующих обстоятельствах. А потом мы собирались изрядно облегчить его кошелек.

Какое-то время все шло хорошо. Он влюбился в меня... очень. И, в конце концов, попросил моей руки. Этого мы не ожидали. Мы планировали шантаж. Но когда он сделал мне предложение, я попыталась отговорить Мэддена от нашего замысла. Да, конечно, деньги мистера Гантвоорта имели для меня значение, но и я тоже полюбила его немного... его самого. Он был во всех отношениях прекрасный человек... более приятный, чем кто-либо, известный мне до сих пор.

И вот я все рассказала Мэддену и предложила ему изменить план, чтобы я могла выйти замуж за Гантвоорта. Я обещала, что у Мэддена не будет недостатка в деньгах... я знала, что могу получить от мистера Гантвоорта то, что захочу. Я честно обошлась с Мэдденом. Я любила мистера Гантвоорта, но ведь это Мэдден его нашел и познакомил со мной, поэтому я не собиралась оставлять его с носом. Я хотела сделать для него все, что только можно.

Но Мэдден и разговаривать не стал. В будущем он получил бы больше денег, если бы послушал меня. А он требовал хоть немного, но сразу. И, что

еще глупее, с ним случился один из его припадков ревности. Однажды ночью он избил меня!

Это было последней каплей. Я решила от него избавиться. Я сказала мистеру Гантвоорту, что мой брат категорически против нашего брака, да он и сам видел, как Мэдден к нему относится. Он придумал отправить его на Восток для заключения какой-то сделки с металлургической компанией, чтобы убрать его с дороги, пока мы не уедем в свадебное путешествие. Мы считали, что нам удастся его обмануть... хотя я должна была предполагать, что он поймет наши намерения. Мы планировали отсутствовать по меньшей мере год, что, как я надеялась, будет достаточным сроком, чтобы Мэдден забыл обо мне... или чтобы я собралась с силами и смогла бы дать ему отпор, если он попытается потом создавать нам трудности.

Когда я услышала об убийстве Гантвоорта, то сразу подумала, что это сделал Мэдден. Но поскольку я узнала, что он на следующий день приехал в Нью-Йорк, то корила себя за то оскорбление, которое нанесла ему своими подозрениями. Я радовалась, что это не он. А сейчас...

Она подскочила к недавнему сообщнику.

— Сейчас я очень радуюсь, что тебя повесят,

дубина!

И опять повернулась ко мне. Теперь это был не хорошенький котенок, а разозленная фыркающая кошка с обнаженными зубами и когтями.

— Как выглядел тот тип, который ездил вместо Мэддена в Нью-Йорк?

Я описал внешность своего собеседника из поезда.

— Ивен Фельтер, — сказала она, подумав секунду. — Они когда-то работали с Мэдденом. Наверное, он спрятался в Лос-Анджелесе. Прижмите его, и он все выложит... слабый, как баба. Возможно, он узнал об игре Мэддена только потом. Ну, как тебе это нравится? — она плюнула Мэддену прямо в лицо. — Неплохо для начала? Ты испортил мне праздник. А теперь — я сделаю все, чтобы помочь им отправить тебя на виселицу.

Так она и поступила; с ее помощью было нетрудно найти недостающие улики и накинуть петлю ему на шею. Думаю, что никакие угрызения совести по поводу Мэддена не испортили Креде Декстер удовольствия от обладания семьсот пятьюдесятью тысячами долларов. Сейчас это всеми уважаемая дама, а я рад, что избавил мир от мошенника.